

Двадцать лет российской трансформации. ЛЕГКО ЛИ ПОЙМАТЬ ЧЕРНУЮ КОШКУ В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНА ТАМ ЕСТЬ?

Автор: А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Многочисленные опросы показывают, что подавляющее большинство граждан, в том числе и пострадавших в материальном отношении в ходе преобразований последних двух десятилетий, не хотят возврата в прошлое. Казалось бы: чем не доказательство того, что перестройка удалась?

Однако такая аргументация не встречает широкой поддержки. Перестройка продолжает рассматриваться значительной частью населения и элиты как один из крупных провалов ("катастрофа") в истории страны. И это парадоксальным образом уживается с сегодняшним убеждением основной части интеллектуалов и политиков, да и населения в целом, в том, что сколько-нибудь серьезной альтернативы переходу на рельсы демократического общества и рыночной капиталистической экономики у страны не было.

Я не психоаналитик, но думаю, что причина столь необычных, с точки зрения формальной логики, умонастроений состоит в несоответствии нынешней реальности тем надеждам, которые разбудила перестройка. Мы предпочитаем нынешнее общество тому, "реально социалистическому" (все-таки свобода - великая вещь!) и одновременно считаем его "и в подметки не годящимся" смутной мечте об "обновленном обществе", которая очаровала страну в начале второй половины 1980-х гг.

В течение прошедших двух десятилетий в нашей жизни произошли кардинальные изменения. Важные шаги сделаны в переходе от тоталитарной системы политического устройства к демократической. Были демонтированы механизмы директивного управления экономикой и проведена значительная либерализация хозяйственной деятельности; сложились основные институты рыночной экономики (частная собственность, базовая инфраструктура товарных и факторных рынков). С окончанием холодной войны исчезла угроза вовлечения страны в глобальный конфликт, появилась реальная возможность концентрации ресурсов на решении насущных проблем внутреннего развития.

Вместе с тем истекший период стал источником драматических вызовов для нашего государства. Процесс социально-экономической и политической трансформации сопровождался распадом Советского Союза и появлением дезинтеграционных тенденций на территории России, глубоким падением и примитивизацией производства, накоплением серьезнейших социальных проблем. Значительная часть российского населения оказалась за чертой бедности. Подорваны гарантии на труд и жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Небывало возрос уровень преступности и дет-

---

Некипелов Александр Дмитриевич - академик РАН, вице-президент РАН.

ской беспризорности, резко сократилась продолжительность жизни. На фоне общего падения жизненного уровня произошло глубокое расслоение российского общества по величине получаемых доходов.

Стоит ли удивляться, что инициатор перемен - М. Горбачев (человек, стоящий в интеллектуальном и нравственном отношении на голову выше Б. Ельцина) все еще остается в глазах многих соотечественников "главным отрицательным героем" всего периода трансформации нашего общества. Он "виноват" во всем: и в том, что не стал решительно на сторону Ельцина, и в том, что окончательно не удалил его из политики; и в том, что был чрезмерно мягок и демократичен, и в том, что не пошел на поводу у межрегиональной группы; и в том, что не слушал ничьих советов, и в том, что окружал себя "не теми" советчиками. Он виноват даже в том, что "выпустил нас на свободу", не имея четкого представления о том, как мы ею воспользуемся. В сущности, на нем сконцентрировалась вся наша досада на самих себя за бестолково использованный исторический шанс.

Конечно, никто не может освободить политического лидера от ответственности за последствия инициированных им реформ. Но сама эта ответственность в идеале должна тщательно соизмеряться с объективными условиями исторического времени, в котором были предприняты соответствующие преобразования. Причем, и мне хотелось бы это особо подчеркнуть, к объективным условиям нужно относиться и комплекс знаний, которым располагало в тот момент общество. Легко быть умным "задним числом", но не следует упускать из виду, что людям, принимающим решения, приходится действовать в режиме реального времени. Нельзя также забывать, что сегодняшние взгляды большинства из нас очень серьезно отличаются от наших же взглядов того времени. И дело здесь, конечно, не в предательстве идеалов: просто история существенно расширила наш кругозор, а возможно, и привела на смену старым предрассудкам новые.

Человек, видимо, так устроен, что труднее всего ему признавать серьезную эволюцию своих взглядов. Каждому из нас кажется, что уж он-то всегда стоял на одной - разумеейся, правильной - позиции, а "ничем не объяснимое" нежелание соотечественников прислушаться к его советам и привело страну к катастрофе. Но, как бы ни было сложно, мы должны научиться подвергать честному, я бы даже сказал, беспощадному анализу свои собственные взгляды и поступки. Только в этом случае мы сможем, действительно, что-то понять в происходивших и происходящих событиях.

Возьмем, к примеру, ситуацию в экономической науке накануне и в начале перестройки. Заезженным штампом стало утверждение, что научное противоборство в этой сфере шло между "догматиками-цаголовцами" и "прогрессивными" экономистами, выступавшими за развитие рыночных (или, как тогда принято было говорить, товарно-денежных) отношений. Как и любой штамп, эта оценка представляется крайне упрощенной.

Для "цаголовской школы", воспитанником которой я являюсь, было действительно свойственно отношение к "товарно-денежным отношениям" при социализме как к чему-то второстепенному. Конечно, мало кто из нас солидаризировался с крайней позицией профессора Н. Хессина, в соответствии с которой социализм и товарные отношения несовместимы в принципе. Господствовала более умеренная точка зрения: товарные отношения носят в рамках данной формы организации экономики подчиненный характер, развиваясь как бы "в порах планомерности". Сама необходимость "планомерного использования закона стоимости" рассматривалась как свидетельство недостаточного уровня развития производительных сил (реального "обобществления производства") для тотального господства планомерной формы. Соответственно, хозрасчет социалистических предприятий трактовался как важный на данном этапе развития общества элемент хозяйственного механизма, призванный обеспечить эффективный синтез "планомерности и товарности" при обязательном господстве планомерности.

Критиковать сегодня этот подход просто, но важно, как мне кажется, иметь в виду и то здоровое зерно, которое он содержал и которое, к сожалению, было упущено в ходе

преобразований, начавшихся с перестройки. Речь идет о понимании целостного характера экономической системы вообще и планового социалистического хозяйства (командной экономики - в нашем нынешнем понимании) в частности. Именно поэтому, не отрицая возможности и даже целесообразности имплантации в действовавшую хозяйственную систему элементов рынка, "цаголовцы" внимательно следили за тем, чтобы "количество не перешло в качество", то есть чтобы не была подорвана сама система планового управления экономикой.

С методологической точки зрения сторонники данного направления советской экономической науки были близки к неоклассикам на Западе: оба течения придавали (а неоклассики придают и сегодня) огромное значение господствующим типу собственности и форме хозяйственных связей. Знаки, разумеется, эти два течения расставляли прямо противоположные: для "цаголовцев" идеалом являлись общественная собственность и планомерность, а для неоклассиков - частная собственность и рынок. Кстати, на это обстоятельство еще в доперестроечный период обратил внимание мой коллега по Институту экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР О. Дзыза.

"Товарники", несомненно, верно определили общий вектор развития советской экономики - движение в сторону децентрализации, усиления воздействия рыночных механизмов, повышение гибкости хозяйственной системы. Они чувствовали бесперспективность попыток улучшить положение дел в экономике без ухода от системы командно-административного централизованного управления. При этом плановый характер социалистического хозяйства под сомнение не ставился: речь шла лишь об изменении его характера (от командно-административного к "экономическому"). Соответственно, "товарники" не принимали фактического противопоставления планомерности и товарности, свойственного "цаголовцам". Расширение хозяйственных прав предприятий вкупе с внедрением методов нормативного планирования и совершенствованием ценообразования должны были, с их точки зрения, обеспечить качественный рост эффективности социалистического производства. Вопрос собственности для "советских товарников" не имел особого значения, поэтому они и не предлагали отказываться от господства общественной собственности. Эта позиция роднила их со сторонниками идей конвергенции на Западе.

Но вот что очень важно. С позиций сегодняшнего дня мы должны признать, что и "цаголовцы", и "товарники" находились в плену общего ошибочного представления о природе рыночной экономики. Им казалось, что стоит ликвидировать Госплан, а с ним и господство вертикальных связей в хозяйственной системе, передать право принятия основных экономических решений предприятиям, и рыночный механизм ("закон стоимости") заработает в полную силу. И неважно, что они очень по-разному относились к самой этой перспективе. Ключевые вопросы, касающиеся формирования у хозяйственных субъектов подлинно рыночной мотивации, создания институтов рыночной экономики, обеспечивающих переток факторов производства в наиболее прибыльные области, в сущности, оставались вне поля зрения советской экономической науки. Книга выдающегося венгерского ученого Я. Корнай "Дефицит", обобщавшая опыт венгерских реформ, не была, в сущности, понята. А ведь в ней речь шла как раз о том, что децентрализация управления - необходимое, но не достаточное условие формирования рынка. Любопытно проследить, каким образом такое положение в советской экономической науке сказывалось на динамике перестроечного процесса.

Начну с бесспорного: к середине 1980-х гг. очень многие люди в стране в большей или меньшей мере осознавали, что "так жить нельзя". Было ясно, что общество сталкивается с серьезными проблемами в самых разных сферах. Нас беспокоили не только стагнирующая экономика, но и достигшие критического уровня несоответствия между словом и делом, уровнем образованности общества и архаичными ритуалами, заполнявшими заметную часть жизни. Причем обсуждение этих проблем начинало еще до начала перестройки выходить за пределы "кухонь". Сошлюсь на частный, но, с моей точки зрения, очень показательный пример. То ли осенью 1984 г., то ли в самом начале 1985 г. на партсобрании дипломатического состава советского посольства в Румынии,

где я тогда работал как представитель ИЭМСС АН СССР, "по инициативе снизу" с большой озабоченностью обсуждался вопрос о принявшем в СССР опасные размеры "двойном мышлении". Из посольства, надо сказать, и ранее отправлялось в Центр немало документов "двойного назначения", высмеивавших фарисейский характер псевдодемократических институтов в Румынии времен Н. Чаушеску, но одно дело - опирающиеся на опыт "братского государства" аллюзии, а другое - открытое обсуждение соответствующих вопросов применительно к собственной стране.

Однако от констатации недомогания до верного диагноза - дистанция огромного размера. Убежден, что в самом начале перестройки подавляющее большинство научной и политической элиты СССР искренне считали, что коль скоро мы, наконец, оказались в состоянии взглянуть на мир открытыми глазами, его рациональное преобразование является, так сказать, "делом техники". Тем более, что "заминки" в общественном развитии страны мы тогда связывали не с пороками общей конструкции, а с имеющими субъективные основания деформациями здорового в своей основе социального устройства.

Отсюда - особое внимание, которое уделялось на начальном этапе перестройки отличиям сложившейся модели советского общественного устройства от той идеальной модели, которая была в самых общих чертах сформулирована в работах классиков марксизма. Задача преодоления "деформаций" вышла на первый план, лозунгом целого этапа перестройки стало "Больше социализма!". Гласность рассматривалась как мощное оружие в борьбе за "возврат к основам". В экономической сфере ключевой считалась задача "ускорения", включавшая в себя проведение крупномасштабного структурного маневра с целью модернизации народного хозяйства.

Важно подчеркнуть, что эти настроения носили практически всеобщий характер. Сошлюсь на пару примеров из собственного опыта. В мае 1985 г. в Бухарест в командировку приехал сотрудник ИЭМСС АН СССР профессор М. Мунтян. Хорошо помню, как, рассказывая в личной беседе о происходящих в стране событиях, он не жалел самых ярких эпитетов. Особенно запомнилось: "Горбачев - это Ленин нашего времени". По возвращении в Москву из Румынии летом 1985 г. я получил предложение от академика О. Богомолова, одного из самых прогрессивных советских экономистов, возглавить в ИЭМСС АН СССР сектор, который занимался бы вопросами структурно-инвестиционного маневра в сотрудничестве стран СЭВ. Олег Тимофеевич был немало удивлен моей настойчивой просьбе изменить тематику этого сектора, включив в нее проблематику механизма экономической интеграции в рамках СЭВ. Очень многим достойным людям казалось в тот начальный период перестройки, что не в экономической системе дело...

Постепенно ограниченность действий с позиций "очищения социализма" становилась все более очевидной. Обозначился новый вектор преобразований: в экономике - это движение к рынку. Однако четкая "картинка", по крайней мере с точки зрения наших сегодняшних представлений, никак не складывалась. Практические действия носили поэтому спорадический, несистемный характер. Здесь и меры, направленные на изменение пропорций цен, и эксперименты в поиске чудодейственных экономических показателей, и шаги по "раскрепощению" социалистических госпредприятий, и ставка на аренду и кооперативы.

На этом этапе резко обострилась идейная борьба вокруг выбора пути общественного развития в целом и экономического в частности. В экономической науке она велась между адептами модернизации системы централизованно управляемой социалистической экономики и сторонниками перехода к той или иной разновидности "рыночного социализма". Последние постепенно побеждали, но успехи давались непросто. Достаточно сказать, что само понятие "рынок" получило права гражданства первоначально лишь в отношении сферы взаимоотношений стран СЭВ, когда в 1986 г. была официально сформулирована задача формирования "объединенного социалистического рынка".

На этой истории есть смысл остановиться подробнее. В советской экономической науке, по сути, с момента образования СЭВ признавалось существование "мирового со-

циалистического рынка" с присущими ему атрибутами - ценами взаимной торговли, валютными и кредитными отношениями. При этом, разумеется, подчеркивалось, что это особый, планомерно регулируемый рынок.

В середине 1970-х гг. автор этих строк попытался поставить данную позицию под сомнение. Я утверждал, что возмездный характер обмена в условиях, когда практически все его параметры согласуются заранее в плановом порядке на государственном уровне, не может рассматриваться как признак наличия рынка и что весь обслуживающий этот обмен "товарно-денежный инструментарий" лишь по форме напоминает рыночный оригинал.

Постановка вопроса в 1986 г. качественно отличалась от прежних стерильных рассуждений о мировом социалистическом рынке тем, что речь здесь шла о широком развитии отношений на микроуровне ("прямые связи"). Уже тогда было ясно, что реально надеяться на формирование интеграционного рынка до того, как в социалистических странах будут сформированы полнокровные внутренние рынки, не приходится. Но именно в этом и состоял позитивный заряд данной идеи: она подталкивала к признанию необходимости подлинно рыночных реформ.

Однако нельзя не признать, что победа рыночной идеологии (победа "условных товарников" над "условными цаголовцами") сопровождалась нарастанием экономических проблем, разбалансированием всего народного хозяйства. И дело здесь не в ошибочности ставки на рынок или, тем более, в нерешительности власти. Проблема в том, что осознав необходимость рынка, мы все еще очень поверхностно представляли себе его суть, а потому наши действия носили отрывочный, некомплексный характер и зачастую осуществлялись не в той последовательности. Результатом стало попадание страны в своеобразное "межсистемье" - уже не плановая социалистическая экономика, но еще и не рыночная.

Постепенно формировалось понимание значимости соответствующим образом мотивированных хозяйственных субъектов для нормального функционирования рыночных механизмов. К этому подвела и ставшая явной негативная практика фактического растаскивания руководителями "раскрепощенных предприятий" доходов от имущества, формально остающегося в общественной собственности. В результате под занавес перестройки был разработан закон о приватизации, направленный на акционирование основной части госсектора. Появилась перспектива возникновения органичной рыночной среды в условиях реального многообразия форм собственности. По сути, уже тогда страна начала прощаться с надеждой на воплощение модели рыночного социализма в чистом виде.

Конечно, идейная борьба не прекращалась, в том числе в лагере "рыночников". Я и тогда был сторонником подхода, лежавшего в основе программы Рыжкова-Абалкина, остаюсь им и сегодня. Убежден, что реализация программы "500 дней", ориентированной на немедленное снятие всех ограничений на пути действия рыночных сил, была сопряжена с колоссальным структурным шоком и вытекающим из него шлейфом острейших социальных проблем. В сущности, все это подтвердилось с началом гайдаровских реформ. Поэтому для меня "нерешительная" позиция, занятая Горбачевым в этом споре, когда он находился под беспрецедентным давлением "демократической оппозиции", является свидетельством его хорошей экономической интуиции и сильно развитого политического здравого смысла.

Как бы то ни было, политический кризис разразился раньше, чем удалось добиться стабилизации экономического развития на базе находившейся в процессе формирования новой хозяйственной системы. Пutsch августа 1991 г. похоронил надежду на гармоничное обновление Советского Союза, в том числе в экономической сфере.

Позволю здесь себе реминисценции о собственной идейной эволюции, поскольку, как мне кажется, это дает представление о том пути, который прошли многие российские экономисты в этот период. Как воспитанник "цаголовской школы" я полностью воспринял теоретическое положение, в соответствии с которым собственность - определяющий фактор любой экономической системы. Соответственно, социализм для меня

отождествлялся с моделью непосредственно общественного производства, находящегося в силу достигнутого уровня развития производительных сил на недостаточно зрелой стадии. Проявлением незрелости непосредственно общественных отношений я считал необходимость дополнения планомерной формы связи производителей товарной.

Работа после окончания экономического факультета МГУ в одном институте с такими учеными, как О. Богомолов, Е. Амбарцумов, А. Бутенко, О. Лацис, Г. Лисичкин, В. Шаститко, Ю. Ширяев, Н. Шмелев, А. Ципко и др. не могла не оказывать влияния на мои взгляды. Но "поддавался" идеологии "товарников" я, если можно так выразиться, количественно, а не качественно. Да, признавал я, степень свободы социалистических предприятий нужно повысить, сферу товарных отношений расширить, но "внутри планомерной организации общественного производства".

Перестройка дала мощный толчок переосмыслению теоретических воззрений. Я "вдруг" обратил внимание на то, что сложившаяся в стране модель "реального социализма" качественно отличалась от проекта классиков марксизма. Иерархическое построение хозяйственной системы, которое раньше представлялось малозначимой, "с политэкономической точки зрения", особенностью планового управления, оказалось принципиальной, содержательной характеристикой системы. Именно она определяла ее реальные экономические субъекты и подлинный характер производственных отношений, центральным нервом которых оказывалась борьба за максимизацию получаемых сверху ресурсов и минимизацию спускаемых отсюда же плановых заданий. Я перевернул формулу: не форма собственности определяет всю совокупность производственных отношений, а последняя раскрывает существо собственности. Я понял, что простые количественные перераспределения прав между уровнями иерархии не в состоянии изменить систему, неэффективность которой была уже очевидной для всех. Мне, наконец, стало ясно, что речь должна идти о комплексной рыночной трансформации народного хозяйства.

Став "товарником", я не перестал скептически относиться к попыткам реформирования системы по частям, причем произвольным. Нет, я не был противником кооперативов, но считал что это не более, чем паллиатив, причем могущий стать опасным в случае, если не удастся предотвратить паразитирование этого нового хозяйственного организма на теле государственного сектора. Я не вполне разделяю мнение тех коллег, которые считают серьезной ошибкой в период перестройки недооценку "малых" шагов, направленных на развитие у советских людей инстинктов частного ведения хозяйства, задавленных прежней системой. Убежден, что создание условий для развития малого бизнеса должно было органично увязываться с ходом реформирования всей экономики. Точно так же вряд ли для нас применим китайский путь, если под ним понимать начало преобразований с изолированной реформы сельского хозяйства. Для страны с преобладающей тяжелой промышленной структурой такой алгоритм действий обрекал экономику на очень серьезные деформации.

Довольно быстро я пришел к выводу, что ключ к успеху преобразований состоит в формировании подлинно рыночной мотивации у предприятий государственного сектора, а также в создании адекватных новым хозяйственным условиям институтов, обеспечивающих необходимое перемещение труда и капитала между различными видами производства. В быструю и соответствующую принципам социальной справедливости приватизацию всего и вся я не верил (точнее говоря, знал, что она невозможна), поэтому упорно вел поиск путей перевода госсектора в рыночный режим функционирования. Постепенно вырисовывался госкапиталистический вариант, основанный на акционировании госпредприятий при передаче акций в управление специальным государственным холдинговым компаниям (или даже одной такой компании).

И наконец, чем дальше тем больше меня волновал вопрос о том, как смягчить структурный шок при переходе к рыночному хозяйству. Было ясно, что производственная структура, сложившаяся в условиях планового ведения хозяйства, начнет трещать по швам, как только по-настоящему заработает рынок. И в конце концов я понял, что институциональные преобразования, связанные с формированием у производителей мотивации, соответствующей новым условиям, а также с созданием рынков

труда и капитала, следовало проводить по возможности быстро, а вот либерализацию многих сторон хозяйственной деятельности - постепенно, как бы дозируя действие рыночных сил.

Эволюция моих представлений в отношении оптимальных способов преобразования советской экономики, как, видимо, и эволюция взглядов других ученых, происходила не изолированно от реального хода событий, а под его прямым воздействием. Приходится признать, что хотя мы очень быстро учились новому в ходе перестройки, но, к сожалению, так и не смогли поспеть за событиями, развивавшимися с калейдоскопической быстротой.

В новом политическом контексте, возникшем после путча, а затем и развала СССР, "шоковая терапия" Е. Гайдара ознаменовала парадоксальный реванш "цаголовской школы", причем в ее крайнем, "хессинском" варианте; только с противоположным знаком. Мы вновь услышали знакомые речи о том, что форма собственности (в данном случае - частная) имеет решающее значение, что форма связи производителей (в данном случае - рыночная) не должна "омрачаться" чуждыми ей добавками (в данном случае - коррективами, вносимыми промышленной политикой). И наконец, в неявном виде, - цель оправдывает средства.

Цель бравых реформаторов, действительно, достигнута: мы живем в другой стране. В России, а не в СССР. Не в супердержаве, а в государстве, изо всех сил старающемся не скатиться окончательно в "третий мир". Не в мощной научно-технической державе, а почти что в топливно-сырьевой периферии мирового хозяйства. Да и экономика не командно-административная, а настоящая рыночно-капиталистическая, в полной мере соответствующая образцам конца XIX в.

Нас еще долго будет преследовать вопрос: а могло ли быть по-другому? Была ли в этой темной комнате искомая черная кошка, и могли ли мы ее найти? Ответить на него непросто, особенно если не разобраться в том, какую кошку мы искали.

В свое время очень бурную негативную реакцию у сторонников перестройки вызвало ее сравнение писателем Ю. Бондаревым с самолетом, который поднялся в воздух, не имея установленного места приземления. Сегодня ясно, что в этом писатель был прав: в момент начала перестройки ясны были только самые общие очертания желаемого будущего. Этот образ в дальнейшем постоянно уточнялся, но, в конечном счете, "посадка" произошла явно не там, где бы хотелось. Издержки перехода к демократии и рынку оказались невероятно большими. Они включают развал государства, огромное количество безвременно ушедших и неродившихся сограждан, обнищание значительной части населения, потерю существенной доли научно-технического потенциала и прочее и прочее.

Но значит ли это, как намекал писатель, что и "взлетать" не следовало? Даже сейчас, зная о невзгодах, постигших за прошедшие годы страну, я с этим согласиться никак не могу.

Во-первых, шансы на успех перестройки, если под этим понимать формирование цивилизованного, социально-ориентированного, основанного на демократии и рыночной экономике общества, были. История не терпит сослагательного наклонения, но ясно, что точек бифуркации, где она могла пойти разными путями, было немало. Стоит только представить себе, что было бы, если бы российское руководство выступало не оппонентом союзного центра, а его союзником.

Шансы эти, увы, использовать не удалось. И дело здесь, конечно, не в пресловутой нерешительности ее инициатора. Мне кажется, что чем явственнее становился тот факт, что перестройка не может ограничиться благостно-поверхностными начинаниями, что за общим (или почти общим) согласием, что "надо что-то менять, чтобы стало лучше жить", лежали очень разные представления в отношении как сути, так и способов реализации этих перемен, тем больше крепло убеждение Горбачева, что успех зависит от того, удастся ли переплавить правду каждого - условно говоря, и "отъявленного цаголовца", и бескомпромиссного рыночника - в некоторое новое, целостное представление об искомом общественном устройстве. Но мы уже вошли во вкус, и нам

было не до кропотливого поиска истины и консенсуса. Самолет перестройки попал в бурю не потому, что взлетел, не зная точного места назначения, а потому, что его команда и пассажиры вместо совместного определения курса просто-напросто передрались на борту.

Во-вторых, разве было бы лучше, если бы перестройка не начиналась до тех пор, пока не был составлен детальный план ее проведения? Когда бы она тогда началась и началась бы вообще?

Раздумывая над этим вопросом, я вспомнил случай, произошедший поздней осенью 1992 г. Тогда мне пришлось участвовать в большой конференции, проводившейся в Светлогорске Калининградской области. Воспоминания остались не от самой конференции, а от банкета. Вскоре после его начала выяснилось, что мои соседи по столу не только ведущие бизнесмены города, но в прошлом - руководители его партийных и советских органов. Подвыпив, они начали почему-то ругать Горбачева. "Чем же вам Михаил Сергеевич не угодил?", - задал я наивный вопрос. "Ну как же? - последовал возмущенный ответ. - Сказал бы сразу, что надо капитализм строить, так мы бы дружно взялись за работу и все давно бы уже сделали. А то морочил голову, какими-то сказками, чуть было власть в городе не потеряли!"

И вот я думаю: не начнись перестройка весной 1985 г., мы с друзьями-экономистами под руководством таких "ребят" до сих пор спорили бы, на каких словах следует делать ударение в выражении "планово организованные социалистические товарно-денежные отношения"? Страна же все безнадежнее отставала бы от развитых государств. А риски, связанные с возможной перестройкой, все возрастали бы и возрастали...